

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Ицхак Капелевич Шмеркович -Галеви

(по воспоминаниям, письмам и разысканиям Геннадия Красникова)

От составителя:

Всё началось с неожиданного электронного письма из Москвы от моего друга, нашего земляка, замечательного поэта и публициста, доцента литературного института им. Горького Геннадия Красникова. *«Помните, -пишет Геннадий,-- жил в нашем городе Галеви Ицхак Капелевич, он ещё приходил на занятие лит. группы. Так вот, в «Энциклопедии русской иммиграции» есть его имя, как литератора. Информация очень скудная, только перечень некоторых книг, которые он написал».* Далее Геннадий пишет, что энциклопедия издана в издательстве «Парад» в 2006 году.

Ах, Гена, Гена! Зачем ты мне напомнил об Ицхаке Капелевиче?

Нахлынули воспоминания...

Встречи

Об этом человеке практически ничего не известно – ни когда и где родился, кто его родители, чем занимался до революции, как попал в Китай, чем занимался там, как попал в СССР - одни предположения.

Я приехал в Новотроицк в январе 1960 года. После огромного (даже по тем временам) Новокузнецка, Новотроицк показался маленьким уютным городком. Тогда я и не предполагал, что вся моя последующая жизнь будет связана с этим городом.

Я шёл по улице Советской и вдруг увидел его. Высокий, худой, бородатый, удивительно прямой старик, в форменной шинели, на голове, несмотря на мороз, какой-то картуз.

Кто это, - спросил я своего спутника. Его фамилия Галеви, он из Китая приехал несколько лет назад, - сказал спутник.

Это была моя первая случайная встреча с ним. Потом я видел его ещё несколько раз. Всегда один, никого не замечающий старик.

О нём ходили по городу разные слухи. Главный слух - он бывший царский полковник, служил у Колчака. Бежал в Китай, после того, как был разбит Колчак Красной армией. Мне кажется, что этого не могло быть. Предположительно родился он в польско- еврейской семье (об этом говорят фамилия и имя) в первой половине 90-х годов 19 века. Когда я впервые увидел его, было ему на вид более 60-ти лет. Вряд ли он мог быть царским полковником и по возрасту и по национальности. А вот было: работая вахтёром на КХП, он не пропустил на территорию цеха директора комбината А.И.Сухорукова и сопровождающих его лиц. Потребовал пропуск, которого у директора не оказалось. И никакие уговоры не помогли. Директор оказался человеком порядочным и с юмором, он наградил бдительного вахтёра премией. Это рассказал мне мой тесть (Царствие ему Небесное), который был в свите директора.

В октябре 1966 года при городской газете «Гвардеец труда» была создана литературная группа. На второе или третье занятие неожиданно пришёл он. Такой же худой, в той самой, уже изрядно поношенной шинели.

Здравствуйтесь, господа, - сказал он, и сел на свободное место. Молча просидел до конца занятий, уходя сказал: читайте Владимира Ивановича Даля. Прошло полвека, но до сих пор испытываю чувство стыда – это какую же ахинею мы несли, если он посоветовал читать Даля. Больше я его не видел, сказали, что умер.

Поиски

И стал я искать следы Галеви в нашем городе. Моя супруга, Валентина Сергеевна, работавшая в библиотеке, вспомнила, что она когда-то классифицировала книги, оставшиеся после смерти сына Ицхака Капелевича – Гавриила. Я нашёл два альбома с фотографиями, хранившиеся в фондах центральной городской библиотеки. Практически все фотографии – коллективные студенческие снимки сына Ицхака Капелевича. Но было несколько семейных снимков. Книг не оказалось. Фотографии послал Красникову и вскоре получил от него письмо. Привожу его полностью:

Александр Матвеевич, здравствуйтесь!..

Видите, телепатия точно существует, мы одновременно думаем об одном и том же. Именно в эти два дня я собирался написать Вам об Ицхаке Капелевиче... Вернее, о путях поиска информации о нём... И тут Ваше письмо с фотографиями, спасибо большое! Это, наверное, он сам связывает нас с Небес... Жаль, что имена Вы не написали (жены, сына). Фотографии явно - зарубежные (нужно выяснить - по архитектуре - где это - Париж, Берлин либо русский Китай - Харбин).

Вот по пунктам, что Вы могли бы предпринять, чтобы получилось нечто серьёзное и интересное.

1. В Новотроицке.

а. Найти кого-нибудь из Технической библиотеки, с кем он работал много лет (там была, например, Лида, и ещё несколько девушек), думаю, что кто-то ещё есть в живых и помнит и его и мои к нему походы, во всяком случае, после его смерти - они мне говорили очень сочувственно, что старик обо мне вспоминал... У них можно (нужно) побольше повыспрашивать, а лучше и не у одной, а у нескольких, если таковые найдутся... Спрашивать о семье, о сыне, о жене, о характере и прочем... (Кстати, напишите мне имена).

2. Написать письма.

а. Архив Московской консерватории (там Галеви учился, как он мне рассказывал, у Сергея Ивановича Танеева, великого русского композитора, видимо, по классу фортепьяно, а также он учился вокалу), наверняка, у них сохранились архивы с данными о студентах (до революции - годы преподавания Танеева). Из этих документов можно будет также узнать, какую гимназию он закончил до поступления в консерваторию, то есть - о его детстве (гимназистом, по его рассказам, он ходил /кажется, пешком/ в Ясную Поляну к Льву Толстому, правда, Толстого к ним жена не выпустила, но они /студенты/ видели его всё-таки...)

б. В военный архив - Галеви принимал участие в Первой Мировой войне (он мне рассказывал, что сутки стояли в болотах, там он застудил суставы ног и рук, почему не смог дальше заниматься учёбой и игрой на фортепьяно), чтобы узнать - где, в каких частях и на каком фронте он служил...

в. Письмо в Польшу. Галеви обладал хорошими вокальными данными и пел в Варшавской опере (во всяком случае, в Варшаве у него выходила пластинка с его исполнением), узнать (видимо, после Первой Мировой) кто в это время из России у них пел (он ведь польский еврей, поэтому, наверное, и Варшава оказалась на его пути, может, кто-то там оставался из близких, так он там появился в опере).

г. Дальний Восток. Архивы - предреволюционные, во время революции он оказался с семьёй в Харбине, там и остался, там была большая русская колония, так называемый «русский Китай» (это после уже он был и в Германии, и во Франции /где встречался на каком-то курорте с Горьким и Куприным/...

д. Найти историю разрешения первых возвращенцев из русской эмиграции, когда им массово разрешили вернуться, но не дальше Урала... Это важный этап его жизни, нужно понять - зачем и под какие обещания он вернулся в Россию - фактически на новые мучения...

е. Архивы ОХМК (отдел кадров) - весь его послужной список: он ведь сначала работал грузчиком (отсюда его огромный отмороженный нос - лицо он обморозил на уральском, новотроицком холоде, разгружая вагоны с мешками. Кстати, сила у него была богатырская, по его рассказам, он брал сразу по два мешка, хотя другие вдвоём носили по одному мешку), потом была охрана (отсюда его всегдашняя военизированная одежда), затем - библиотека, отдел библиографии, который он не любил, так как нужно было сидеть целый день в кабинете...

ж. Архив городской больницы, где его загубили, потому что в жару, когда у него случилось обострение аппендицита, его наши придурки повезли в Орск, думая, что это дизентерия (тогда была эпидемия и все отделения в городе были заняты), и по дороге у него лопнул аппендицит, начался перитонит и его срочно вернули в Новотроицк на операционный стол, после чего он так уже до конца и не смог выздороветь... Узнать всю историю болезни...

з. Архив строительного техникума, где преподавал химию его сын... Может, кто-то из преподавателей ещё остался в живых... Сын у него был великий химик... Но в техникуме стал говорить о политике и его попёрли оттуда, он тогда ходил по советскому городу с табличкой: Я безработный, ищу работу... Разузнать о сыне побольше... Тогда, испугавшись, ему нашли какой-то закуток на ОХМК, где требовалось заниматься переводами инструкций на поступавшее заграничное оборудование... В общем, трагическая история и с ним. Есть ли дети от него? Есть ли жена?

и. О жене И. К. знаю, что она всё время болела и Галеву продавал привезённые из заграницы уникальные книги за бесценок, чтобы содержать семью...

Вот пока намётки того, чем стоило бы заняться его биографу... Может получится уникальная во всех смыслах история и книга. Кстати, одну из своих авторских книг он мне подарил - это была пьеса в стихах о Пушкине и его Натали (эта книга не упоминается в энциклопедии, о которой я Вам писал, но её держал в руках в Америке мой друг Вадим Крейд, историк русского зарубежья, правда, по его словам, когда я спросил - знает ли он такого? - по его словам - ничего отобрать из неё он не мог для своих изданий...).

Как Ваше здоровье? Как глаза? Привет Валентине и Толе с его семьёй.

Всего доброго,
ГК,
22 окт. 2012

Дорогой Гена, спасибо тебе за веру в меня. Ничего я не выполнил из твоих рекомендаций. Но пытался. Архив ОХМК передали городу. В городском архиве, куда я обратился, ничего не нашли. И я им верю. Недавно я пытался найти нужных мне для книги людей и не нашёл, хотя провёл в архиве несколько дней. Это только в телесериалах легко находят нужные адреса. Рекомендации твои и есть, пусть не подтверждённая, но... биография Ицхака Капелевича. Да ты и сам пишешь: «Кроме меня, пожалуй, мало кто сможет вспомнить что-то из его биографии, но, к сожалению, я был слишком юн, чтобы понимать в полном объёме смысл его рассказов... Да и он был скуп на подобные рассказы, хотя кое-что я знаю... Например, что в последние годы жизни он собирал материал и понемногу писал «Историю еврейского народа»... Было у него и прекрасное письмо от Арама Хачатуряна (ответное письмо И.К. о музыке к драме «Маскарад»), но где теперь это всё... Кстати, я его помню только с могучей (толстовской) бородой и во всегдашней форменной одежде... И был он практически до конца занятий, прослушав всех, кто в тот день читал свои произведения, и

совет он дал не просто по чтению классики, а именно по Владимиру Далю и его великому словарю, спросив, слышал ли кто из нас об этом словаре... И пригласил к себе в библиотеку тех, кто хочет познакомиться с этим словарём... Через день я уже был у него в библиотеке технической литературы (при Дворце металлургов, это потом библиотеку перевели в новое здание школы рабочей молодёжи, где я довершал среднее образование), так началась наша с ним дружба, и было это в 1966 году...»

И ещё одно письмо от Красникова:

«... Особая благодарность за фотографии Ицхака Капелевича!...

Сколько воспоминаний об этом удивительном человеке, с которым меня связывала многолетняя дружба и который очень верил в меня, следил за моими даже скромными на тот момент литературными успехами, однажды даже поднялся ко мне на пятый этаж нашего дома, узнав из газет о том, что я приехал в Новотроицк.... Но, увы, меня в тот момент не было дома...

Но фотография - это конец 50-х годов. Потому что, во-первых, здесь он уже с обмороженным лицом и в форменной военизированной одежде охранника, которую он носил после работы охранником на комбинате... Много, много воспоминаний нахлынуло... Разговоры с Галеви, его биография удивительная. Конечно, новотроичанам бы написать книгу о нём...»

К этому письму могу высказать своё предположение: не по собственной воле Галеви оказался в СССР – выслали из Китая по требованию СССР.

Что касается сына, то это совершенно другая, но не менее трагичная история. В городе в 70-х годах прошлого века часто можно было видеть сына Ицхака Капелевича. В полувоенной форме, сапогах, с чёрной бородой – форменный кубинец. Чудак, говорили о нём.

Родился Гавриил Ицхакович Шмеркович-Галеви в Китае предположительно в 1922 году. В Шанхае закончил колледж по специальности инженер химик – аналитик. Был разносторонним человеком. В совершенстве владел английским, немецким, французским языками. Увлекался фотографией, плаванием, ездой на велосипеде. Практически до самой смерти велосипед был любимым видом транспорта, возможно, как у бывшего жителя Китая. На протяжении всей жизни собирал личную библиотеку – книги по химии, математике, английскому языку, словари и энциклопедии. Позднее в ЦЗЛ (Центральная заводская лаборатория). Многие годы сотрудничал с городской библиотекой.

Гавриил в Китае

В наш город он приехал в начале 50-х годов. Возможно, это связано с подписанием Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и КНР. В 1956 работал преподавателем Новотроицкого строительного техникума.

Гавриил – преподаватель строительного техникума

В 1984 году он умер от рака. Был женат на женщине из Новотроицка, развёлся, имел 2-их детей. Следы жены и детей утеряны.

Жена Ицхака Капелевича плохо говорила на русском языке. Это мне рассказала одна старушка, мама которой работала санитаркой в больнице, где лежала жена Галеви (удивительно, что сын отлично владел русским). Оказавшись в жутких условиях, она заболела и вскоре умерла. С фотографии смотрит на нас молодая красивая женщина в пору своей полной надежд и стремлений жизни в Китае.

Жена Евгеньевна Шмеркович-Галеви (в девичестве Касторская), жена И.К. Галеви.

Вот собственно всё, что благодаря письму Геннадия Красникова, я могу написать о Ицхаке Капелевиче Галеви.

Жил человек на земле. Оставил свой след, который под натиском времени практически затерялся. Ничего о нём не известно. Одни предположения...

И.К. Шмеркович-Галеви с сыном Гавриилом, 20-е годы прошлого века, Китай.

На снимках: Гавриил Галеви с матерью Верой Евгеньевной; 20-е годы прошлого века, Китай.

Этот материал я послал Красникову и вскоре получил от него письмо.

«... Я всё это время рылся в своих архивах и в иных загашниках и – наконец-то!!! – в исторической пыли с головы до ног (сегодня!!!) – нашёл у себя бесценную реликвию: книгу Ицхака Капелевича с автографом!... Накопал и массу другого уникального материала. Так что – подождите ещё несколько дней, книга получится гениальная во всех отношениях. Подробности и фактуру обещаю до конца недели...»

Всех благ,

Ваш –

Ген.Красников,

15 октября 2013г.

А через несколько дней - сенсация! Такого письма я никак не ожидал.

xxx

Александр Матвеевич, вы пишете, что 1 ноября сего года отмечается 70-летие Дворца металлургов. Но это явная ошибка, думаю, что речь идёт о 50-летию. Я ведь являюсь старожилом этого самого Дворца, хотя все пишущие его историю почему-то упорно умалчивают об этом факте – то ли по незнанию, то ли по необъяснимому для меня нежеланию... Восстанавливаю историческую справедливость не ради каких-то амбиций, а потому, что именно с Дворцом культуры металлургов связаны и начало моей литературной судьбы, и незабываемые встречи с Ицхаком Капелевичем.

Дело в том, что одиннадцатилетним мальчишкой я пришёл в драматический кружок к прекрасному педагогу Галине Николаевне Ожеговой, бывшей ленинградской актрисе. Кружок в ту пору располагался в клубе металлургов (между остановкой трамвая «Гостиница» и «Пушкинская»), куда я ездил из посёлка Максай. А через год открылся Дворец металлургов, куда мы и переехали с первого же дня и начали обживать ещё пахнущие свежей краской и побелкой бесконечные коридоры и чудесные комнаты для занятий. Несколько лет я был не рядовым участником драмкружка, а своего рода знаменитостью, поскольку сразу же стал вести как конференсье все детские и даже взрослые и ночные новогодние концерты (сначала в паре со взрослым Владимиром Овсянниковым, а после его ранней смерти один, иногда в дуэте с моим ровесником Володей Фильчагиным, для нас даже специально были

пошиты красивые светлые концертные костюмы, которые, быть может, до сих пор ещё где-нибудь пылятся в завалах костюмерной). С Фильчагиным мы играли заглавные роли в большом многоактном спектакле «Саша и Шура», который неоднократно шёл во Дворце в замечательных декорациях Константина Ширкевича (кажется, такая была у него фамилия). Достаточно сказать, что именно Дворец культуры за большую творческую и концертную деятельность дал мне, тогдашнему шестикласснику, мальчишке из рабочего посёлка, бесплатную путёвку в Ленинград на зимние школьные каникулы...

Как местная «знаменитость», я частенько проникал тайком (то за кулисы к машинисту сцены Константину Бурову, то в зал) на вечерние концерты заезжих знаменитостей (Любови Орловой, Бориса Чиркова, Владимира Нечаева и др.) и Александр Григорьевич Клейман, директор Дворца, не раз вытаскивал меня буквально за шиворот из зала, считая не детским посещение взрослых мероприятий (в чём позднее, когда я уже стал москвичом, повинился, тем более, что я подружился с его сыном Яриком, который однажды устроил мне потрясающую экскурсию по Дворцу под крышей Дворца, тайными ходами выведя меня на чердак здания, где мы провели несколько часов...).

Без преувеличения могу сказать, что меня знали и, смею надеяться, уважали все в этом Дворце – от дежурных на вахте, до слесарей, электриков, машинистов сцены, художников, кассиров, костюмеров, билетёров, руководителей детских и взрослых коллективов. Моим большим другом на всю жизнь оставался радист Дворца Михаил Парамонов, которого я сначала называл дядей Мишей, а потом Михаилом.

Михаил Парамонов (радист Дворца металлургов) и Геннадий Красников, познакомивший М.Парамонова с И.К.Шмерковичем-Галеви, между которыми велись глубокие культурософские споры на тему религии.

Его я однажды привёл в кабинет к Ицхаку Капелевичу, чтобы познакомить двух моих взрослых друзей, в сущности, двух антиподов. Михаил приобрёл тогда у Галеви дорогой и шикарный альбом, подробно иллюстрирующий историю дарвиновского происхождения видов и возникновения человека. Убеждённый дарвинист и материалист по природе, Михаил тут же вступил в свойственный его характеру эмоциональный спор с Галеви, у которого было своё отношение (критическое) к безбожной теории Дарвина. Спор закончился тем, что, работая в разных концах одного здания, больше эти антиподы не встречались...

На одном из моих выступлений во Дворце (в малом зале я читал своё стихотворение) ко мне подошли местные поэты и журналисты Василий Овчинников и Владимир Филатов, которые и пригласили меня в редакцию «Гвардейца труда», где впоследствии я и познакомился с Ицхаком Капелевичем. А потом, уже с ним, мы десятки раз поднимались по лестнице на четвёртый этаж Дворца, где находилась техническая библиотека, и столько же раз вместе спускались вниз, не торопясь, останавливаясь, чтобы Ицхак Капелевич, опираясь на палку, мог передохнуть.

А однажды, в том же Дворце, днём, когда не было сеансов и иных мероприятий, ни о чём не сказав, он повёл меня по коридорам в фойе зрительного зала, где стоял рояль. С собой у него оказались ноты и он очень профессионально сыграл какую-то классическую пьесу. Тогда же я и услышал от него историю о том, почему он прекратил музыкальную карьеру, поскольку на фронте в Первую Мировую

застудил ноги и суставы пальцев рук, простояв в ледяных болотах несколько часов... Так что, стены и лестницы Дворца металлургов, в отличие от его летописцев, многое могли бы рассказать о тех временах и людях...

xxx

Александр Матвеевич, вы пишете о Галеви: «Ничего о нём не известно. Одни предположения...». Однако, это не совсем так. Всё-таки, он жив в нашей памяти и уже тот факт, что мы сейчас говорим и вспоминаем о нём, - свидетельство тому. Несколько лет назад в статье о прекрасном оренбургском прозаике Сергее Фролове я впервые вернул из небытия имя Галеви. Приведу отрывок из той статьи: «Так совпало, что в тот же день по объявлению в газете на занятие литературного объединения в первый (и последний) раз заглянул колоритнейший могучего телосложения высокий старик с тяжёлой тростью и огромной толстовской бородой, так странно одетый в форменные выцветшие бледно-синие брюки, заправленные в кирзовые сапоги, и в рубаше того же цвета и покроя, перепоюсанной поверх брюк тяжёлым кожаным ремнём с потускневшей бляхой охранника. Стариком этим, как выяснилось позже, был Ицхак Капелевич Шмеркович-Галеви, бывший эмигрант, которого Октябрьская революция застигла в Харбине, вернувшийся в конце 50-х годов вместе с семьёй в Советский Союз, но не допущенный проживать дальше Оренбургского края. Старик этот, когда-то, будучи гимназистом, посещал Толстого в Ясной поляне, учился в московской консерватории у Сергея Танеева, пел в опере Варшавы и записывал пластинки, встречался с Горьким и Куприным (показывал им свои литературные опыты), участвовал в первой мировой войне, а возвратившись на родину, на первых порах, чтобы не умереть с голоду, распродал привезённую из-за границы прекрасную библиотеку, и со своими несколькими европейскими языками сначала работал грузчиком, затем охранником на металлургическом комбинате, и, наконец, последние годы жизни, донашивая форму заводского охранника, служил библиографом в технической библиотеке того же комбината... Странный старик, о котором мы, конечно, ничего не знали тогда, прослушав стихи и прозу, деликатно уклонился от оценок, полюбопытствовал только, слышал ли кто-нибудь из нас о толковом словаре живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля, и посоветовал чаще заглядывать в эту бесценную для каждого русского писателя книгу. Думаю, была в той мимолётной встрече какая-то мистическая закономерность, связывающая в один узел времена и культуры, эпохи и судьбы, высоты и бездны; кажется, будто отголосок и тень неумирающих имён с лёгким шелестом пронеслись сквозь табачный дым прокуренной редакции, выбирая, кого бы из нашей компании задеть своим золотым крылом...»

Геннадий Красников на занятии литературного объединения в год знакомства с И.К. Шмерковичем-Галеви (1966г.)

Теперь несколько комментариев к написанному. Даже краткие поиски сведений о судьбе И. К. Шмерковича-Галеви – дали некоторые удивительные результаты. Но обо всём по порядку...

Методом индукции и дедукции, а также, утопая в архивной пыли Интернета и собственной библиотеки, я, как мне кажется, смог выяснить кое-какие обстоятельства биографии Ицхака Капелевича.

Поскольку известно, что Галеви учился у Танеева, я уточнил, что Сергей Иванович преподавал в консерватории с 1878 по 1905 годы. Таким образом, Ицхак Капелевич по всей вероятности был студентом в самый последний период преподавательской работы Танеева и значит, что к 1905 году молодому студенту было примерно 16 – 18 лет, следовательно, родился он около 1890 года, а к началу Первой Мировой войны ему было приблизительно года 24... (Кстати, обратите внимание на снимок, где Галеви на фотографии с сыном. Если это, примерно, 1922-й год, то здесь видно, что И.К. не меньше 30 лет... А если будет найдена его могила, даты получим более точные)...

Танеев Сергей Иванович

(13 [25] ноября 1856, Владимир — 6 [19] июня 1915, Дютьково под Звенигородом) — русский композитор, пианист, педагог, учёный, музыкально-общественный деятель из дворянского рода Танеевых. Младший брат писателя В. И. Танеева.

С 1878 по 1905 год работал в Московской консерватории (с 1881 года профессор), где вёл классы гармонии, инструментовки, фортепиано, композиции, полифонии, музыкальной формы, в 1885—1889 годах занимал должность директора Московской консерватории. Среди учеников: Сергей Рахманинов, Александр Скрябин, Николай Метнер, Рейнгольд Глиэр и др.

Московская консерватория, в которой в начале XX века И. К. Шмеркович-Галеви учился у С. И. Танеева по классу фортепиано.

Как я уже рассказывал, по воспоминаниям Галеви, в гимназические годы он пешком ходил в Ясную Поляну Тульской области, чтобы повидать Льва Николаевича Толстого, которого боготворила вся Россия, особенно гимназическая и студенческая молодёжь. Однако, к молодым людям вышла Софья Андреевна, жена писателя, и сказала, что Лев Николаевич очень занят и вообще устал от посетителей. Но терпеливо ожидавшим встречи с великим человеком всё же повезло и они увидели писателя, который вышел к ним, чтобы обменяться буквально несколькими словами со своими почитателями.

1900 год, Ясная Поляна. Лев Толстой и Максим Горький, с которыми встречался И. К. Шмеркович-Галеви. Таким молодой гимназист видел писателя в Ясной Поляне.

О Льве Толстом, со слов Галеви, запомнилась ещё одна история, которая вносит новые штрихи в биографию нашего героя. Ицхак Капелевич рассказывал, как узнал о смерти великого писателя. Он находился в маленьком магазинчике в Париже, когда через стеклянную дверь услышал голос мальчишки – торговца газет, сообщавшего о сенсации: в России умер гениальный русский писатель Лев Толстой!.. Молодой Ицхак выскочил из магазинчика в страшном волнении, «как будто у меня отняли что-то очень важное и я осиротел», - примерно в таких словах вспоминал об этом событии Галеви. Оно и понятно, мы ведь знаем, что нечто подобное пережил и бывший в то время за границей Фёдор Шаляпин, который, услышав эту страшную новость, выскочил на улицу (кажется из какого-то кафе) и в диком отчаянии просто закричал: «Караул!!!».

В любом случае, мы выясняем, что в 1910 году, в год смерти Льва Толстого, Ицхак Галеви был за границей, в Париже...

На этом сюжет литературных встреч молодого Галеви не заканчивается. В своих архивах я наконец-то отыскал страничку с записью ещё одного воспоминания Ицхака Капелевича, страничка датирована 1-ым августа 1968 года, из которой следует, что И. К. умер в январе того же года (так мы узнаём наполовину точные даты жизни Галеви: 1887(85) – 1968, а также можем констатировать, судя по его гимназической и студенческой биографии, что родился он в Москве, а умер, как мы уже знаем, в Новотроицке, хорошо бы теперь найти его могилу и могилу его родственников, чтобы сохранить память об этом незаурядном человеке, ставшим земляком новотройчан).

Так вот что я узнаю из своей старой юношеской записи (привожу в сокращении): «1 августа 1968. Листая рассказ Корнея Ивановича Чуковского об Александре Ивановиче Куприне, я решил записать несколько строк по этому поводу...

Был у меня знакомый. Совсем недавно был, но в январе сего года его не стало. Звали его Ицхак Капелевич Шмеркович-Галеви. Где-то однажды он, будучи гимназистом, отдыхал у моря... Вдруг, - говорит он, - среди двух загорающих ему показалось два знакомых лица. Горьковские усы, купринская борода... Гимназист подошёл к ним, так как он занимался писательством, и попросил их подождать, он сбегает за рассказом, недавно написанным. Когда рассказ был прочитан обоими писателями, Горький, покручивая ус, молвил: М-да... Работать да работать надо, хотя и язык хорош, и стиль...

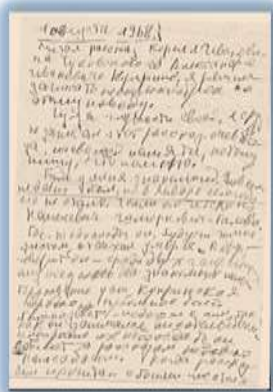
- Почему же, - возразил Куприн, - рассказу нужна только небольшая правка и он будет чудесным... - и попросил рассказ для правки, записав адрес молодого студента».

Неизвестно, как в дальнейшем распорядился этим рассказом Александр Иванович Куприн, но исключено, что напечатал его где-то, но об этом мы, пожалуй, никогда не узнаем, хотя к достоверной писательской судьбе Галеви ещё вернёмся...

Куприн А. И.

(7 сентября) 1870, Наровчат — 25 августа 1938, Ленинград) — русский писатель, с которым в гимназические годы встретался И.К. Шмеркович-Галеви.

Страничка из воспоминаний Ген. Красникова о встрече И.К. Шмерковича-Галеви с А.М. Горьким и А.И. Куприным.

Итак, продолжим литературную линию в биографии Галеви. А линия эта, как выясняется, очень серьёзная и значительная. Неслучайно и посещение Ицхаком Капелевичем нашего литературного объединения, которое, однако, при его культурном и писательском опыте, в сущности никак его не заинтересовало, и он после первого посещения больше не проявил к нему никакого интереса – не тот уровень. А уровень литературный он держал и признавал, как я теперь понимаю, высокий. Он говорил, например, что в его доме каждый год, не пропуская ни единого года, в семейном кругу, по очереди, перечитывали вслух всего Михаила Лермонтова, их любимого поэта и прозаика!.. (Так что досужие разговоры о том, что его жена якобы не знала русского языка, не более чем обывательские слухи и сплетни!). При этом он не признавал (как, впрочем, и Ив. Бунин) стихов Есенина, в чём и меня хотел

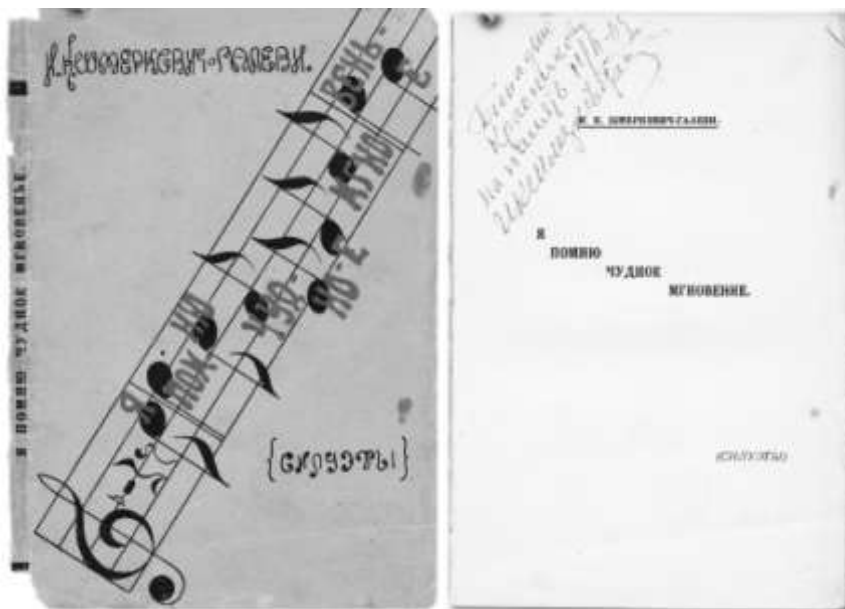
убедить, но я, при всём уважении к старому человеку, пытался аккуратно уйти от оценок любимой мною есенинской поэзии...

В его тесном кабинете в технической библиотеке я несколько раз был свидетелем серьёзных споров с библиотечным начальством, когда его, как штатного библиографа, заставляли помогать читателям (видимо, готовящим дипломные или иные научные работы), - переводить на русский язык из специальных журналов технические статьи или подыскивать им из разных изданий нужные публикации. На его рабочем столе всегда лежали два крупных почерневших от времени грецких ореха, блестящих и гладких как морские гальки, которые он часто перекатывал то в одной, то в другой крупной ладони, видимо, разрабатывая больные суставы, а заодно и успокаивая нервы. Этим орехам-галькам, полностью утопавшим в его могучих ручищах, было несколько десятилетий, может быть они путешествовали с ним по всему свету и вместе с ним пересекли границу Китая... Так вот, перекатывая с характерным погромыхиванием эти орехи в ладони, Ицхак Капелевич строго вразумлял очередного просителя, что негоже пользоваться чужими трудами для успеха в любом деле, что настоящий исследователь должен до всего доходить своим умом, своим упорством, собственным трудом, а не надеяться, что кто-то за него сделает его работу. И вразумлённый читатель уходил вроде бы ни с чем, но получив при этом настоящий урок исследовательского и творческого труда. А уж кому как не Галеви было знать, что такое этот труд, поскольку его сын был учёным-химиком (и по отзывам китайских учёных, как говорил мне его отец, имел выдающиеся способности в своём деле), да и сам Ицхак Капелевич серьёзно и глубоко на протяжении всей жизни, часто не имея на то реальной возможности, занимался историческими изысканиями.

(Кстати, поясню вкратце, по его рассказам, как он вообще попал на работу в техническую библиотеку. Это связано с приходом нового директора Орско-Халиловского металлургического комбината, кажется, им был Седач. Когда Седач стал узнал, что в охране комбината работает некий странный человек, безусловно выполняющий службу, он запросил в отделе кадров личное дело Галеви и тут же вызвал Ицхака Капелевича к себе. «Я не могу допустить, - сказал директор, - чтобы такой человек, как вы, с таким образованием, знающий столько европейских языков, - работал у меня охранником на проходной... Из всего, что есть в моём распоряжении подходящее для вас, это работа в технической библиотеке комбината...». Но, по признанию Ицхака Капелевича, ему не нравилась работа библиографа в библиотеке с вечным корпением по заполнению карточек на новые поступления книг и журналов, она требовала ежедневного посещения, не оставляла времени на творчество. «В охране я работал – сутки, а два дня потом были свободны, я мог писать и собирать материалы для работы...», - жаловался мне Ицхак Капелевич).

Меня он тоже настраивал на серьёзное отношение к творчеству и даже устроил однажды показательное испытание. В одну из очередных наших встреч, я увидел на его рабочем столе раскрытый томик стихов. «Вот, прочитайте, продекламируйте, Гена, вслух это стихотворение... Вы же, кажется, готовитесь к театральному поприщу...». Я принялся читать длинное, написанное в несколько старомодном стиле стихотворение, которое называлось «Сумасшедший». С большим трудом и без вдохновения пролепетал я стихи и понял, что провалил экзамен. «Вы знаете, - начал как всегда тихо и неторопливо говорить Ицхак Капелевич, взвешивая каждое слово, стараясь не обидеть меня, - а ведь в начале века это стихотворение Апухтина, напечатанное в известном издании “Чтец-декламатор”, знала вся Россия... Когда его читали на вечерах, из-зала выносили падающих в обморок, так оно потрясало, особенно дам и гимназисток... И как читали!.. Но от вашего чтения, только не обижайтесь, пожалуйста, Гена, никто бы в обморок не упал...». Именно в тот день Ицхак Капелевич дал мне совет, который я запомнил на всю жизнь: «Нельзя всё время метаться между двух берёзок... Вы пишете хорошие стихи и выступаете на сцене. Нужно обязательно выбрать что-то одно, чтобы полностью отдаться главному делу... Я думаю, что вам ближе литература, стихи, подумайте серьёзно и не спеша над моими словами...». В тот же день меня ждал ещё один сюрприз – Ицхак Капелевич подарил мне свою книгу, пьесу о Пушкине «Я помню чудное мгновенье...», тактично никогда в дальнейшем не спросив моего мнения о его пьесе, а я, по молодости и ветренности, не спешил, в отличие от своего старшего

наставника, с добрыми словами о его произведении. Не ведал я тогда, что для него, одинокого в чужом городе, в чужой среде, творческого человека, нужны и слова творческой поддержки, и слова понимания... В нём были удивительный такт и мудрость умного, много пережившего человека, который прекрасно понимал и мою молодость, и мою неготовность, культурную незрелость для понимания его судьбы, его биографии, его личной трагедии. А потому он не обременял меня, а может, и оберегал от лишней информации о его жизни, о его мыслях, о его переживаниях, хотя и явно искренне тянулся ко мне, словно чувствуя какое-то родство творческой души, а быть может и продолжение в будущем общей духовной связи, видя во мне единственного свидетеля его жизни, словно предчувствуя мистическим образом эти скромные отрывистые воспоминания, хоть как-то сохраняющие его след на земле...

Подаренная Г. Красникову книга и автограф И.К. Шмерковича-Галеви.

Фрагмент из пьесы И.К. Шмерковича-Галеви «Я помню чудное мгновенье...»

Прав был Александр Сергеевич Пушкин, сказав: «Мы ленивы и не любопытны...». Каким открытием стало для меня, когда в давно имевшейся у меня энциклопедии «Литературное зарубежье России», я обнаружил знакомое имя Галеви. Всего несколько строк, но вдруг преобразившие впечатления далёкой и невозвратимой юности, словно молнией ярко и болезненно-горько по-новому высветив целую жизнь такого незнакомого знакомого мне человека: «Шмеркóвич-Галеви И.К., писатель, публицист. Жил в Китае. Автор книг: “Затонувший ковчег” (Харбин, 1932), “Евреи и Русь” (Тяньцзинь, 1940). Очень многое всколыхнувшие строки, напомнившие, подтолкнувшие к воспоминаниям, к поискам, давшим неожиданные результаты, показавшие неполноту и некоторую неточность энциклопедической информации...

Энциклопедия и страница из неё, в которой дана справка об изданиях И.К. Шмерковича-Галеви. (Литературное зарубежье России : энциклопед. справ. / Ин-т науч. информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Комиссия по комплекс. исследованиям рос. эмиграции, Совет по изучению и охране культурного и природного наследия ; под общ. ред. Е. П. Чельшева, А. Я. Дегтярева ; гл. ред. Ю. В. Мухачёв ; редкол. В. П. Крейд [и др.]. – М. : Парад, 2006. – 678 с.)

На самом деле произведений Галеви я обнаружил гораздо больше, чем об этом говорится в упомянутой энциклопедии, среди них и те работы, которые явно были частью того капитального труда, которые я в других письмах по памяти называл историей еврейского народа. Привожу полный на сегодняшний день список всех известных изданий произведений И.К. Шмерковича-Галеви (которых, не сомневаюсь, было больше, если покопать старые подшивки газет и журналов русской эмиграции в Китае):

Шмеркович-Галеви, И. К. Затонувший ковчег : [повесть]. – Харбин: [б. и.], 1932. – 252 с.

Шмеркович-Галеви, И. К. Мышка Грызка, воробышек Прыг-прыг и кошка Цап [Текст]: Сказочка о них всех трех и еще кое о ком / И. К. Шмеркович-Галеви ; Рис. худож. I. Lange. - Пей-Тай-Хо: [б. и.], 1935. - 127, [2] с. : ил.; 20 см.

Шмеркович-Галеви, И. К. Евреи и войны [Текст] /И. К. Шмеркович-Галеви. - 1-е изд. - Tientsin: Orient, [1939]. - 59; 20 см.

Шмеркович-Галеви, И. К. Евреи и Русь. Тяньцзин: «Наши знания», 1943, 65с.

Шмеркович-Галеви, И. К. Я помню чудное мгновенье: силуэты. 19..?, 96с.

В изданном в Санкт-Петербурге (1995 г.) Виктором Кельнером «Дополнении к указателю “Литература о евреях на русском языке, 1890 – 1947”» приводятся в том числе и две работы Галеви, в одной из которой дата не совпадает с приведённым изданием выше:

Шмеркович-Галеви И.К. Евреи и война. — Тяньцзин: «Ориент», 1943. — 59 с.

Шмеркович-Галеви И.К. Евреи и Русь. — Тяньцзин: «Наши знания», 1943. — 65 с.

В генеральном алфавитном каталоге книг на русском языке (1725 - 1998) РНБ хранится библиографическая карточка одной из книг И.К. Шмерковича-Галеви:

94 - 2 Шмеркович - Галеви, И. К.
298 Затонувший ковчег : [Роман]. - Харбин : Б.м.,
1932. - [2], 29 с. : 17 см.

94 - РК - 1190/ 194

МР К1
27800

Электронную копию этой книги можно заказать в Службе электронной доставки документов РНБ (edd@nlr.ru).

В Российской государственной библиотеке можно найти книги Шмерковича-Галеви, И. К. «Мышка Грызка, воробышек Прыг-прыг и кошка Цап» (Хранение: Рос 3-2/2-913), там же: «Евреи и войны» (Рос 3-2/2-906; Хранение: Ф 1-78/14860).

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына издал книгу «Русская эмиграция в Китае : материалы к библиографии / сост. Н. А. Егорова ; ред. Т. П. Митрофанова. – М., 2009», где под номером 498 приводится книга: *Шмеркович-Галеви, И. К. Затонувший ковчег : [повесть]. – Харбин : [б. и.], 1932. – 252 с. К/Х*

Для будущих исследователей биографии и творчества И.К. Шмерковича-Галеви сообщаю, что в этой же книге, изданной Домом русского зарубежья им. А. Солженицына, можно найти огромное количество ссылок на источники, в которых, я не сомневаюсь, можно найти немало уникальных сведений и о Галеви, и о китайском периоде его жизни. Приведу в качестве примера лишь несколько из огромного списка книжных и периодических изданий, представленных Н. А. Егоровой:

Штейн, Э. Харбинский «Рубеж» / Э. Штейн ; коммент. Е. П. Таскиной // Евреи в культуре Русского Зарубежья / сост. М. А. Пархомовский. – Бейт-Шемеш : Фонд им. Эвы Минскер де Виллер, 1994. – Т. 3 : 1939–1960. – С. 209–219. : ил. Чит. зал, К/Х.; Хроника литературной жизни русского зарубежья : Харбин и Китай (1918–1945) // Литературоведческий журнал. – 2001. – № 15. – С. 293–323. К/Х и др.

И последний, пожалуй, самый неожиданный сюжет. Он связан с семьёй Ицхака Капелевича и его сыном – Гавриилом.

Во-первых, история семьи жены Ицхака Капелевича и матери Гавриила не менее интересна, чем история самого Галеви. Из книги Супотницкого М. В. и Супотницкой Н. С. «Очерки истории чумы» в очерке XXXIII «Забытые эпидемии лёгочной чумы на Дальнем Востоке (1921—1922) мы узнаём об уникальном человеке и враче – Евгении Сергеевиче Касторском. Как пишут о нём авторы научного труда:

«Касторский Е. С. родился в селе Шапкино Владимирской губернии, умер на станции Джалан-тунь (Маньчжурия). Доктор медицины (1908 г., Казанский университет), до 1918 г. военный врач Первого сибирского запасного стрелкового батальона. Последнее место работы — КВЖД, станция Маньчжурия. Автор книги “Эпидемия лёгочной чумы на Дальнем Востоке в 1910—1911 гг. и меры борьбы с нею” (1911). В 1978 г. Г.И. Шмеркович-Галеви (его внук) восстановил текст и содержание рукописи Касторского (1930), посвящённой описанию чумы на станции Маньчжурия в 1920—1921 гг.».

Таким образом, становится известно, кто был дедом Гавриила по материнской линии и тестем Ицхака Капелевича.

Евгений Сергеевич Касторский (1870—1938), дед Гавриила и тесть И. К. Шмерковича-Галеви.

Любопытно, что по линии Касторских у Гавриила нашёлся ныне живущий родственник, который занят поисками своего родового древа, выяснением всех обстоятельств жизни своего прадеда Е. С. Касторского. Вот что отыскал я у него в доступных источниках: «Мой прадед **Касторский Евгений Сергеевич** (1870 - 1938), врач, во время Первой мировой войны был мобилизован на военную службу и работал сначала в Чите в военном госпитале, а в апреле 1915 г. был переведён в **Харбин в военный госпиталь Заамурского округа**, где работал до 1918 г. Потом работал врачом и зав. противочумным бюро на **ст. Манчжурия**. Семья, кроме одной из его дочерей, осталась в России, в том числе и моя бабушка (его дочь), которая была ещё совсем юной.

Я недавно нашёл упоминание о нём в **архивах БРЭМ** (Бюро по делам Российских Эмигрантов в Маньчжурской империи – *прим. Г.К.*) и получил копию анкет, заполненных им в 1937 г.

Последние годы он жил в своём доме на **станции Чжалантунь**, где и умер в 1938 г. До революции он был известным врачом, автором книг и статей по лёгочной чуме на Дальнем Востоке, с отличием окончил в 1896 г. медицинский факультет Императорского Казанского университета, одно время был зав. санитарным бюро г. Иркутска. В анкете БРЭМ он пишет, что жена и дети остались в России, переписки с ними нет, живы они или нет он не знает, **одна дочь замужем в Тяньцзине** (речь как раз идёт о семье И.К. Шмерковича-Галеви – *прим. Г.К.*). Семья его дочери по-видимому вернулась из Китая в Россию в 50-х годах, его внук **Г.И. Шмеркович-Галеви** опубликовал статью моего прадеда о лёгочной чуме в пос. Манчжурия в 1920-1921 гг. в советском Журнале микробиологии, эпидемиологии и иммунологии в 1978 г.»

В переписке на форуме в поиске родственников ныне живущий Касторский узнаёт: «В Памятной книге г. Владимира за 1895 г. в Ковровском уезде есть следующая заметка: Благочинные 4 окр. свящ. с. Алексина Сергей Касторский. По карте - Алексино и Шапкино недалеко. Может, Ваш?» и тут же откликается: «Огромное спасибо! Это точно мои. Там не только точно мой прадед Евгений в списке, но и его братья, а также очевидно мой прапрадед и прапрапрадед», и далее: «спасибо ещё раз, это точно мой прапрадед, он был священником в селе Шапкино, а с 1871 г. - в селе Алексино, об этом есть запись в книге о выпускниках Владимирской духовной семинарии... Как оказалось, мой прадед тоже учился во Владимирской духовной семинарии, но, не закончив её, ушёл в университет и стал врачом»...

Итак, дед Гавриила, отец жены Ицхака Капелевича – известный врач, был из старинного священнического рода Владимирской губернии (откуда ведёт своё начало и священнический род Марины Цветаевой), да и сам едва не стал священником.

Село Шапкино, в котором в 1870 году родился дед Гавриила Шмерковича-Галеви, отец жены И.К. Шмерковича-Галеви – Е.С. Касторский. Слева направо: вид с северо-востока; церковь Рождества Богородицы, 1799—1804, и колокольня, 1825, май 2005 года; въезд в село с севера. До 1918 года село входило в состав Ковровского уезда Владимирской губернии, ныне в составе Савинского района Ивановской области.

Что по этим данным подсказывают нам индукция и дедукция? Во-первых, мы видим, что И.К. Шмеркович-Галеви встретил семью Касторских и свою будущую жену – на Дальнем Востоке, судя по всему в Харбине, где Евгений Сергеевич Касторский работал с 1915 года. По воспоминаниям Галеви, революция застала его именно в Харбине, откуда он так и не вернулся в Россию. Семья Касторского, кроме одной дочери, жены Ицхака Капелевича, оставалась в России. Следовательно, Касторский предполагал (один или с семьёй дочери) вернуться на родину. Непонятно, правда, почему он, живя в Китае, заполнял анкету о семейном положении в 1937 году для советских органов.

Мы также видим, что тесть не намного старше своего зятя и, значит, дочь его была значительно моложе Галеви. И хотя в Харбине была большая колония русских эмигрантов и шла насыщенная культурная и литературная жизнь, из открывающихся сведений мы узнаём, что дочь Касторского, а следовательно, и семья Галеви позднее жили в Тяньцзине (теперь понятно, почему некоторые издания Шмерковича-Галеви выходили именно в этом городе).

Харбин начала века, тех времён, когда в нём жила семья И.К. Шмерковича-Галеви.

Горько об этом писать, но судьба Гавриила, сына Ицхака Капелевича, была весьма печальной. В Китае, кстати, Гавриил получил блестящее образование, знал иностранные языки, в том числе, такие редкие, как китайский. Ему прочили большое будущее учёного-химика. По рассказам отца, Гавриил имел какое-то отношение к изобретению пенициллина (или, скорее, вслед за английским бактериологом Александром Флемингом, к попытке создания одного из синтетических аналогов пенициллина, видимо, не без влияния своего деда Касторского, отдавшего немало сил борьбе с инфекционными

заболеваниями). Во всяком случае, китайцы, по рассказам Галеви, возлагали серьёзные надежды на будущее открытие Гавриила Шмерковича-Галеви. Но, как уже говорилось выше, ни его знания, ни его талант не были востребованы и оценены. Хотя, даже в современных российских и зарубежных научных трудах нет-нет да и мелькнёт ссылка на работы Гавриила Шмерковича-Галеви. Так, в 1985 году Пак Чжон Су, автор научной работы на учёную степень кандидата химических наук, среди солидного списка используемой в диссертации литературы приводит работу Шмерковича-Галеви Г.И. «Основы общей теории плотности бинарных растворов» (Журн. прикл. химии. 1983, т.56). А в серьёзном научном труде Авербух Т. Д., Павлов П. Г. Технология соединений хрома. (Изд. 2-е, испр. Л., «Химия», 1973. 336 стр., 64 рис., 38 табл.) в списке литературы среди 1436 ссылок под цифрой 1256. идёт ссылка: *Г. И. Шмеркович-Галеви, авт. свид. 307066, 1971.*

Но в общем можно сказать, что с талантом сына Ицхака Капелевича обошлись как с дорогими швейцарскими часами, которыми забивали гвозди. Когда, к примеру, находишь в старых журнальных подшивках такие курьёзные сообщения: «В июньском номере "Химии и жизни" за прошлый год (1979) были помещены заметки о химическом предсказателе погоды – штормгласе, использовавшемся в старину моряками, а ныне вышедшем из употребления и забытом. Ниже мы публикуем подборку откликов читателей на эту публикацию», и среди этих «читательских откликов» обнаруживаешь заметку «Опыты со штормгласом», под которой стоит подпись: Г.И. Галеви (*Новотроицк*). Заметка, конечно, не глупая, но есть в ней какой-то привкус отчаяния ни кому не нужного мудреца, того, что называется: гора родила мышь...

Ещё больнее видеть, как Гавриил, в бедности и беспросветности житейской словно крупными купюрами отапливает Вселенную, когда рассылает по разным ничтожным изданиям разного рода мелкие «полезные советы», которые разлетевшись по журналам и газетам, ещё долго и после его смерти «кормят» хватких издателей. И вот уже вторым выпуском в 1993 году в Киеве выходит сборник «700 практических советов /домашним умельцам и мастерам, домохозяйкам/», где среди сотен авторов в конце книги мелким шрифтом мелькает строчка: «Галеви Г. (*г. Новотроицк*)».

Сборник, в котором напечатаны «советы» Г. Галеви

В завершении скажу лишь, как мы, не будучи лично знакомы с сыном Ицхака Капелевича, послали друг другу тайный, почти дружеский, привет.

Уже после ухода отца, Гавриил Ицхакович, как мне кажется, достаточно пристально следил за тем, какие стихи печатаются в местной новотроицкой прессе. Видимо, его, начитанного, образованного человека, не слишком устраивал уровень той литературной продукции, которая появлялась в наших газетах. И он стал иногда присылать в редакции письма, весьма критического содержания. Я уже жил в Москве, когда по приезду в Новотроицк, меня попросили, как столичного гостя, сделать обзор читательских писем для литературной страницы. Среди переданных редакцией писем, я сразу узнал написанное старинным каллиграфическим почерком раздражённое письмо Гавриила Галеви, правда, подписанное другим именем. Автор письма предлагал для публикации своё стихотворение, которое как небо от земли отличалось от всего того, что присылалось в газету. Я, конечно же, сразу разгадал подвох: в письме под видом собственного сочинения шло стихотворение Ивана Алексеевича Бунина:

На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели.
В верхних стёклах - небо ярко-синее
И застреха в снеговой пыли.

Всходит солнце, бодрое от холода,

Золотится отблеском окно.
Утро тихо, радостно и молодо.
Белым снегом всё запушено.

И всё утро яркие и чистые
Буду видеть краски в вышине,
И до полдня будут серебристые
Хризантемы на моём окне.

Автор письма явно хотел «подловить» редакцию на незнании, чтобы потом, если стихи разругают и не напечатают, или, наоборот, если напечатают под придуманным именем, - предъявить настоящего автора – классика, Бунина, уличив в невежестве редактора. Я же, напечатав стихотворение в своём обзоре, несколько иронично, но трогательно, не раскрывая известного мне имени автора письма, поблагодарил его за то, что он прислал нам хрестоматийные стихи Ивана Бунина... Так мы, через высокую русскую литературу, обменялись дружескими посланиями друг с другом в память о нашем дорогом и незабвенном Ицхаке Капелевиче... Больше Гавриил Галеви писем в редакцию не присылал.
Геннадий Красников,
20 октября, 2013.

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ

Простите, дорогой Александр Матвеевич, но эта история никак не хочет заканчиваться, видимо, с небес Ицхак Капелевич и родственники Гавриила по материнской линии – настаивают на дальнейшем обнаружении следов их трагической жизни, а потому и посылают нам настойчивые знаки в виде удивительных и чудесных по своей неожиданности находок.

Посылаю Вам короткую, но чрезвычайно насыщенную переписку, которая молнией ворвалась в историю создания нашей книги об Ицхаке Капелевиче Галеви и его семье, и отвечающая на многие вопросы, которые возникали в нашем повествовании. Обнаружив в интернете поисковик родственников, среди которых мелькнула фамилия Гавриила Галеви, я попытался на удачу обратиться к одному из участников сайта и вот какой подарок судьбы получила наша с Вами скромная затея по возвращению из небытия дорогих наших земляков-современников...

xxx

Уважаемый от59*, здравствуйте!

Простите, не знаю Вашего имени!

К Вам обращается писатель Ген. Ник. Красников, родом из г. Новотроицка, где в своё время жил упомянутый Вами Гавриил Шмеркович-Галеви, внук Вашего прадеда Е. С. Касторского. В детстве я дружил с отцом Гавриила, когда их семья вернулась из Китая. Благодаря Вашим поискам, я узнал, кто были родственники Гавриила Ицхаковича по материнской линии. Но, к сожалению, очень мало сведений, неизвестно даже имени дочери Касторского - матери Гавриила, жены - Ицхака Капелевича, о котором сейчас в Новотроицке выходит небольшая книжечка (я могу Вам её прислать, когда она выйдет). Дело в том, что все годы, проведённые в Новотроицке Оренбургской области, она (жена И. К.) болела и практически никто никогда её не видел. Из моей брошюры Вы кое-что узнаете о выдающемся человеке - муже Касторской - Ицхаке Шмерковиче-Галеви, который был писателем, музыкантом... Но мы не знаем, как он оказался в Китае, где публиковал свои статьи и книги, как звали его жену и т. п. А Вы сообщаете, что получили из Хабаровского архива анкету Евгения Сергеевича Касторского, в которой, как я понимаю, есть некоторые сведения о его дочери, о её семье, что могло бы очень помочь в прояснении неизвестных страниц биографии этой семьи (в книге будут фотографии Гавриила и его матери, - Ваших родственников, фото самого Ицхака Галеви)... Очень бы просил Вас, если это возможно, прислать мне для работы те данные, которые Вы получили из Хабаровского архива, а также и сведения о Вас, чтобы я мог написать в книге, что у семьи Гавриила (его тоже уже нет в живых), имеются дальние родственники...

Заранее признателен Вам!

С уважением,
Ген. Ник. Красников,

20 окт. 2013.

-----
* *Под этим именем (логинем) на сайте разыскивающих своих родственников, вёлся поиск семьи Касторских – (прим. Г.К.)*

Дорогой Геннадий Николаевич!

Спасибо Вам за письмо! Вообще, это очень удивительная история. Я за последние три года многое узнал о своём прадеде и родственниках, - ох, как жаль, что мама не дожила и не узнала всего этого. Я сегодня весь день провёл в Переделкино, где был впервые в жизни, хотя собирался съездить туда много раз. Был в доме-музее Пастернака и доме-музее Окуджавы, посетил могилы и почтил память Арсения Тарковского, Бориса Пастернака, Виктора Бокова, Роберта Рождественского, Чуковских, только-что вернулся домой и обнаружил Ваше письмо, это просто замечательно. Я конечно вышлю Вам анкеты прадеда, которые я получил из архива, который открыли только недавно, как я понял...

Меня зовут Олег Иванович Мохов, я - математик, д.ф.-м.н., профессор мехмата МГУ, живу в Москве. Просто удивительно, но мы земляки, я родился в Оренбурге, вырос в Орске, так что Новотроицк мне отлично знаком. Моя мама - Майя Николаевна Мохова (Хлебникова) - удивительный человек, она преподавала в Орском пединституте, известный краевед, в частности, школьники младших классов в Оренбургской области учились по её пособию «Наш край», она внучка Евгения Сергеевича Касторского, дочь Ольги Евгеньевны Хлебниковой (Касторской), двоюродная сестра Гавриила Шмерковича-Галеви. Мы совершенно ничего не знали о семье Шмерковичей-Галеви, хотя по сути жили в одном городе, очень близко, безумно жалко. Мама так об этом и не узнала, ушла из жизни незадолго до того, как я узнал просто потрясшие меня сведения о судьбе родных.

Мать Гавриила - Вера Евгеньевна Касторская, родная сестра (старшая) моей бабушки Ольги Евгеньевны Хлебниковой (Касторской). Всё, что знали о Вере Касторской мои мама и бабушка - это то, что перед революцией она была студенткой Томского университета. А её отец, мой прадед, в это время работал в военном госпитале в Харбине, он был известным врачом. В моей семье было известно, что мой прадед остался в Маньчжурии, но не знали, что Вера тоже оказалась в Китае. Моей бабушке было 14 лет в 1917 году и она вместе с братом Владимиром оказалась в 1917 году в Оренбурге у своей старшей сестры Лидии. Там происходили страшные события, в результате которых моя бабушка оказалась в селе Грачёвка, райцентре Оренбургской области, где всю жизнь со времени тех событий проработала учительницей, вышла замуж тоже за учителя Николая Геннадиевича Хлебникова, моего деда. Про судьбу семьи Лидии ничего неизвестно, я пытался выяснить. Про Владимира Евгеньевича я узнал совсем недавно, он прошёл через детдом, но стал очень известным учёным-аэродинамиком, доктором наук, мы ничего об этом не знали. Я узнал недавно, что Гавриил нашёл Владимира Евгеньевича Касторского, писал ему, хотел архивы передать, но как я понял, не успел передать, мы ничего не знаем о судьбе архива Гавриила. Я нашёл недавно внука Владимира Евгеньевича, моего троюродного брата, и встречался с ним. Я от него узнал про Веру Евгеньевну и про то, что она с мужем похоронена в Новотроицке. В нашей семье ничего этого не знали никогда. Есть фото могилы, но не знаю, сохранилась ли она. Моя бабушка никогда не знала, что её родная сестра Вера жила в Новотроицке и похоронена там. Между прочим, её муж, мой дед, Николай Геннадьевич Хлебников, учитель литературы, тоже известный человек, о нем есть информация в Оренбургской биографической энциклопедии, на главной улице Оренбурга установлен памятник учителю и там среди табличек известных учителей есть табличка с его именем, и кстати известна например история с его борьбой за сохранение имения Аксаковых, именно по его письму Солоухин приезжал, о чем Солоухин упоминает в своём рассказе об этом. Мой родной старший брат, Игорь Иванович Мохов, тоже в Оренбурге родился, он - физик, д.ф.-м.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор Института физики атмосферы им. Обухова РАН, живёт в Москве. Я Вам конечно вышлю файл с анкетой прадеда из архива, но там информации о семье его дочери практически нет, он только упоминает, что дочь с семьёй живёт в Тяньцзине в Китае. Вообще, надо учитывать, что анкеты он заполнял за год до своей смерти в Маньчжурии, оккупированной Японией. Японские власти организовали Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии и всех российских эмигрантов заставили заполнить анкеты, их я и получил из архива. Через год после этого, в 1938 году, мой прадед умер в Маньчжурии. Я очень хотел бы получить Ваши

публикации, связанные с моими родными и их семьями. Я конечно с удовольствием куплю хоть 10 экземпляров Вашей книги, если это возможно, я бы их раздарил родственникам, все это очень-очень интересно.

Всего доброго, Олег Мохов

БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Маньчжурской Империи.

№ 110

ФИЗИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1. Общие сведения

2. Имя отчество: *Владимир Владимирович*

3. Паспорт и принадлежность: *Владимир Владимирович*

4. Место рождения: *Владимир Владимирович*

5. Место работы и специальности: *Врач*

6. Семейное положение (перечисляются: жена, или муж, дети, мать, отец, братья, сестры, их имена, отчества и фамилии, год их рождения, родина, где служит на какой должности сколько зарабатывает в мес., их адреса).
Указать в каком браке—церковном или гражданском, вдов, разведен или холост.

10. Семейное положение (жена, дети и кто состоит на иждивении) *Неизвестно*

39. Сословная принадлежность до революции. *Сын священника*

40. Укажите ваши физические недостатки (близорукость, глухота, хромота и т. д.) *Ничего*

Общественно-политические сведения.

41. Ваши политические убеждения (республиканец, монархист, либерал, легитимист, демократ, социалист, фашист и т. д.) *Националист*

57. Почему вы не выехали в СССР с массовой эвакуацией советских граждан. *Не хотел быть в подданстве СССР*

71. Кто из видных общественных или административных лиц, может за вас поручиться, его место службы, должность и адрес.

В комитет Общества
Знакомых с видными
административными и
общественными лицами

---

72. Когда регистрировались в Бюро по делам Российских Эмигрантов в Маньчжурской Империи.

15/III 37 года

---

73. Укажите № квитанции о регистрации в Бюро по делам Российских Эмигрантов.

Ч.Д. № 110

---

74. Не выезжали ли Вы в СССР и если да, то сколько времени Вы там жили, где именно и чем занимались.

31 марта 1937 г.

Е. С. Касторский

Страницы анкеты для Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии, которые заполнил Е.С. Касторский в 1937 году. Среди ответов на многочисленные дотошные вопросы есть несколько особо интересных и по-своему смелых ответов. На вопрос о сословной принадлежности - ответ: сын священника. О политических убеждениях – ответ: националист. «Почему не выехали в СССР с массовой эвакуацией советских граждан» - ответ: «Не желал быть в подданстве СССР». Это объясняет, почему Е.С. Касторский на вопрос о семейном положении отвечает: «Неизвестно», чтобы не подвергать семью из-за своих убеждений преследованиям, хотя возможно предположить, что он всё-таки мог тайно что-то знать о своих родных в СССР. Для нашей биографии существенно географическое указание в анкете на место проживания семьи его дочери в Китае: «Жена и дети остались в России. Переписки с ним не имею. Мне неизвестно живы они или нет. Одна дочь замужем в Тяньцзине».

Анна Ивановна Касторская, мать жены И. К. Шмерковича-Галеви, бабушка Гавриила.

Здравствуйте, Геннадий Николаевич!

Огромное спасибо за фотографии! Я никогда не видел фотографий Веры, но черты очень родные! Я узнаю в них родные черты моей бабушки и моей мамы. Я посылаю Вам анкеты моего прадеда из Хабаровского архива. Документы Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии были вывезены в Хабаровск из Харбина после того, как Харбин был освобождён от японцев советскими войсками в 1945 году, там была проведена десантная операция. Недавно эти документы рассекретили и я их получил по своему запросу.

Сохранилась часть письма Гавриила Галеви Владимиру Евгеньевичу Касторскому, которого он разыскал видимо по публикациям, он был завкафедрой аэродинамики в авиационном институте, её Вам тоже высылаю, я её от внука Владимира Евгеньевича получил. Посылаю фото моей прабабушки Анны Ивановны, жены Евгения Сергеевича Касторского, матери Веры Евгеньевны. Посылаю статью Е.С. Касторского, опубликованную Гавриилом Шмерковичем-Галеви, там есть сноска с некоторой информацией.

Е.С. Касторский, кстати, есть в известном дореволюционном словаре Венгерова. Я Вам посылаю скан одной из дореволюционных книг моего прадеда Евгения Сергеевича Касторского. И посылаю фото могилы Веры Евгеньевны и Ицхака Капелевича Шмерковича-Галеви. Они похоронены в Новотроицке, вот бы найти их могилу, я бы приехал, конечно. Хотя бы узнать, на каком это кладбище, найти место. Может быть кто-нибудь в Новотроицке это знает. Спасибо Вам огромное!

Всего самого доброго Вам и всем Вашим близким и родным,
с уважением, Олег Мохов

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СОВЕТА ССР
ВСЕРОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО МИКРОБИОЛОГОВ
И ЭПИДЕМИОЛОГОВ ИМ. И. И. МЕЧНИКОВА

ЖУРНАЛ
МИКРОБИОЛОГИИ
ЭПИДЕМИОЛОГИИ
ИММУНОБИОЛОГИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор Н. Н. ЕЛСКИН,
И. И. ДАВЫДОВ, А. К. АБАТОВ, П. Н. БОРИСОВ, А. А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
В. И. ДИВЯКОВ, А. С. БРАУНШТЕЙН, В. С. ДИВЯКОВ (заместитель
главного редактора), Г. П. НИКОЛАЕВСКИЙ, И. В. ПЕТРОВ, В. Г. СЕД,
РОССОС, В. И. ПУКОВСКИЙ, В. Ф. СЕМЕНОВ (заместитель главного
редактора), И. И. СЕРГЕЕВ (заместитель секретаря), А. А. СМАРГО
КОВ (заместитель секретаря)

Основан в 1922 г.

10
ОКТАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕДИЦИНА»
Москва—1978

Е. С. Касторский

**ЭПИДЕМИЯ ЛЕГОЧНОЙ ЧУМЫ В ПОС. МАНЬЧЖУРИЯ И МЕРЫ БОРЬБЫ
С НЕЙ В 1920—1921 гг.**

* Касторский Евгений Сергеевич, родился 9/XI 1870 г. в с. Шапкино Владимирской губернии, умер в 1938 г. на ст. Джалантунь (Маньчжурия). Доктор медицины (1908 г., Казанский университет), до 1918 г. — военный врач 1-го Сибирского стрелкового запасного батальона, последнее место работы — КВЖД, ст. Маньчжурия.

По черновой рукописи Е. С. Касторского, найденной после его смерти, восстановил текст и содержание его внук Г. И. Шмеркович-Галеви. Оригинал рукописи написан в 1930—1931 гг. на ст. Джалантунь (Маньчжурия).

132

Обложка первой публикации работы Е.С. Касторского в г. Иркутске (1911 г.) и обложка медицинского журнала, где состоялась публикация более полного труда известного врача, подготовленная его внуком Г.И. Шмерковичем-Галеви, о чём свидетельствует сноска под этой публикацией.

Олег Иванович, здравствуйте!..

Спасибо Вам огромное за помощь, за присланные бесценные документы и фотографии...

Надеюсь, что всё это послужит доброму делу...

Забыл сказать, что я у Венгерова обнаружил ещё одного Касторского -

Николая Сергеевича (1868 г. р.), по возрасту рядом с Евгением Сергеевичем, и тоже обозначенному в краткой справке как врач, проживавший в Томске (кажется, в те же годы что и Евг. Серг.)... А какой же год рождения был у Ольги Евгеньевны и у Вашей матушки, и у Вас?.. И почему Евг. Сергеевич оставил семью в России? Собирался, видимо, вскоре вернуться к ним?..

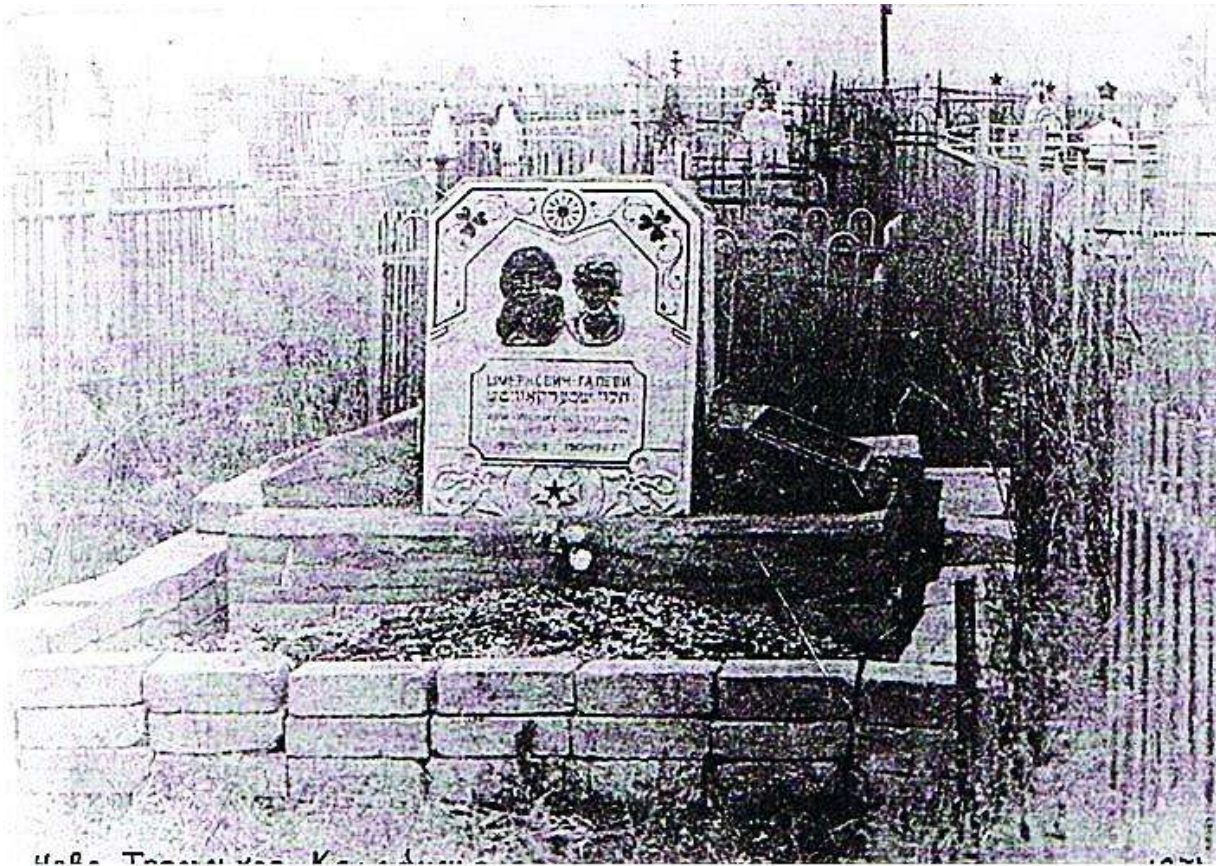
А могилу Веры Евгеньевны я попрошу новотроицких музейщиков (краеведов) отыскать...

Желаю Вам и всем Вашим родным -всего самого доброго!..

С уважением, Ген. Красников,

21 окт. 2013.

Могила, где похоронены В.Е. и И.К. Шмеркович-Галеви. По всей вероятности, позднее здесь же был похоронен их сын Гавриил. Большая просьба ко всем, кто знает это место захоронения семьи Галеви связаться с авторами книги, чтобы мы могли передать эти сведения родственникам.

Здравствуйтесь, Геннадий Николаевич!

Николай Сергеевич Касторский - старший брат Евгения Сергеевича, это точно. Он был приват-доцентом Томского университета, я видел его статьи, он выиграл конкурс на должность городского санитарного врача Томска и был первым санитарным врачом в Сибири, об этом, в частности, упоминается на сайте <http://www.70.rospotrebnadzor.ru/about/history/> Кстати, мой прадед позднее тоже был городским санитарным врачом в Сибири, заведующим санитарным бюро в Иркутске, бабушка вспоминала как он катал её на лодке по Байкалу. Особенно когда я приехал с Байкала, где мы проводили международную конференцию в начале 90-х, бабушка прямо светила вся, вспоминая своего отца и катание в лодках по Байкалу. Бабушка моя родилась в декабре 1902 года, я писал, что в 1917 году во время революции ей было 14 лет. Мама родилась в мае 1926 г., я родился в 1959 г., а мой брат в 1950 г.

К сожалению, я бабушку не очень обо всём расспрашивал, хотя она прожила 90 лет, время на это было конечно, жаль. Маму я расспрашивал, но она знала не так много, тема была для бабушки слишком тяжёлая, мало видимо она рассказывала, да не исключая, что и дед просил не распространяться на эти темы, не знаю, но при мне бабушка о тех событиях говорила с ужасом. Могу точно сказать, что с детства знал, что прадед был в то время в Харбине и остался в Маньчжурии, знал, что он связывался с семьёй и хотел, чтобы семья выехала, но этого не захотели, а он вернуться видимо не мог. Кстати Вы же наверняка знаете, что было с вернувшимися харбинцами, это хорошо известно. Потом все связи были потеряны. О прадеде бабушка вспоминала с исключительным уважением и любовью, не знаю ничего о том, что в семье были проблемы, вроде бы все было очень хорошо до всех этих событий. Так сложились обстоятельства на тот момент. Старшая сестра Лидия была замужем за Архангельским, в Оренбурге, тот занимал высокий пост, все было устроено. Но это до Октября 1917 г. А взгляды прадеда (это видно и по анкете) и понимание ситуации видимо не позволяли ему вернуться. Кстати, он был знаком с Дзержинским и тот наверняка его взгляды отлично знал. Вот такие дела.

Всего самого доброго, Олег Мохов

Из Трудов Евгения Сергеевича Шенюга в
Библиотеке СССР (Москва).

F $\frac{193}{243}$; U $\frac{426}{891}$; F $\frac{191}{176}$;

U $\frac{80}{333}$; U $\frac{243}{250}$

Г.

Напомню также, что и саму роду великий
относим также знаменитый бас-баритон Ленинградского
Театра Касторский. Соч. Большое Сов. Энциклопедия
или "История Ленинградского (Марштинского) Театра Опера
и Балета".

Г.

Александр Матвеевич, я решил, что верным завершением (промежуточным, судя по всему, завершением!) пусть будет этот автограф Гавриила Галеви с его характерной, похожей на графический рисунок подписью – ГГ, поскольку в этой записке Гавриил напоминает, что есть в его роду по материнской линии ещё один знаменитый Касторский – бас-баритон Ленинградского оперного театра. Из чего следует, что история этого удивительного семейства ещё далека от завершения. Но и того, что мы узнали, достаточно для глубокого раздумья о странностях и промыслительной тайне человеческих судеб на земле. Вы только подумайте, какой трагический и невероятный сюжет эсхиливской или шекспировской силы – когда две разлучённые семьи, переживая невыносимые бедствия и трудности, живут, оказывается, рядом, в соседних городах, в Новотроицке и Орске, и не знают ничего друг о друге, и уходят из жизни, так и не встретившись на этом свете!.. Поразительно!.. Утешает одно, что в семье по линии Касторских столько любви ко всем утраченным и вновь обрётённым родным, что столько по-настоящему талантливых, выдающихся людей в их роду, и что теперь они также считают наш Новотроицк своим, родным городом...

Геннадий Красников,
25 октября, 2013 г.

P.S. От составителя.

Получив этот материал, я затосковал... Во мне вдруг проснулся старый забытый стыд от слов Ицхака Капелевича: «Читайте Владимира Ивановича Даля, господа...»

Геннадий Красников наглядно показал, как истинный писатель-исследователь должен работать над материалом.

Но – главное! Теперь я не смею сказать: «Ничего о нём не известно. Одни предположения...» Туман явно рассеивается...

25 октября 2013г.

